

Э.А. Синецкая

ИБ РАН

Индивидуальный опыт «культурной революции»

В 2004 году огромную популярность в КНР приобретает с момента издания произведение некоего Цзян Жуна¹ *Лан тутэн* («Тотем волка»)². Уже сразу после его публикации в апреле было продано более миллиона экземпляров легально, а пиратских изданий – вероятно, в шесть раз больше. Роман существенно обогнал других чемпионов по продажам, в том числе и вездесущий «Код да Винчи», который китайцы читали почти с такой же охотой, как европейцы. В 2007 году оргкомитетом Гонконгского международного книжного фестиваля была учреждена премия The Man Asian Literary Prize (названная в прессе азиатским Букером), которая вручается авторам книг из стран Азии, чьи работы уже переведены на английский язык, но перевод ещё не опубликован. Учредители не скрывают, что их основная задача – не столько отмечать достижения азиатской литературы, сколько способствовать её продвижению на мировом рынке [2]. Автору романа-победителя вручается чек на \$10 тыс., переводчику книги на английский язык также вручается чек, но на меньшую сумму – около трети её. Первым обладателем премии стал именно китайский писатель Цзян Жун с романом «Тотем волка» (Wolf Totem) [3].

Некоторые характеризуют данное сочинение как толстый том, «отягощённый мудрёными историческими теориями, можно назвать отчасти мемуарами, но чем-то это похоже и на социально-исторический трактат» [4], но есть и другие мнения: «книга Лу Цзяминя – это смесь этнографических заметок, анималистических рассказов, романа взросления и гимна свободе» [5]. Каждый находил в нём своё: «школьники читали его из-за захватывающего повествования про диких волков, деловые люди изучают уроки конкуренции и независимости, которые Цзян выводит из жизни своих героев-волков» [4].

© Синецкая Э.А., 2013

Автор заметил в одном из интервью, что для него нет ничего более приятного, чем слышать, что «Тотем волка» становится обязательным чтением во многих крупных китайских компаниях, а также является любимым чтением студентов [7]³. Появление романа *Лан тутэн* вновь вызвало интерес людей к этому явлению – тотему, и заставило людей задуматься над сутью национального духа, скрытой под маской тотемного культа. В «официальной критике», однако, «на его автора навешивали ярлыки либерала, предателя, контрреволюционера и фашиста, но его это не смущало» [8]. Некоторые лидеры коммунистической партии призывали запретить роман, ссылаясь на его не так уж тонко завуалированные нападки на власть, правительство; а другие считали, что Цзян указывает путь к повышению эффективности реформ, к проблемам реорганизации партии [9]. «Политическая реформа будет происходить небыстро, – замечает автор. – Но взгляните, как далеко мы уже зашли: попробуй я опубликовать эту книгу двадцать лет назад, её заклеили бы как „ядовитую траву“ и запретили. Прогресс налицо» [10].

В Интернете шло горячее обсуждение книги, с выходом романа на русском языке – обсуждение и обильное цитирование шли и в русскоязычном сегменте Интернета. Романом заинтересовались многие. Даже национальное радио Китая в 2005 году в специальной передаче сделало попытку рассказать и про понятие тотема, и именно про тотем волка у монголов. В передаче участвовала студентка из Пекина – монголка, рассказавшая про старинные предания, связанные с происхождением монгольских племён от волка и белого оленя, в частности, она сказала: «По сравнению с оленем волк более сильный, и монголы сделали именно волка тотемом своей национальности». Подключили и профессора Академии общественных наук Китая – этнолога. Он считает: выбор монголами из многочисленных животных волка в качестве тотема своей национальности тесно связан с местной окружающей средой и образом жизни. Монголы – типичная кочевая национальность. Они живут в просторной степи, у берегов рек, пасут коров и овец. В степи самой большой угрозой для животных, да и для людей также, является стая волков. В долговременной борьбе с волками монголы стали лучше понимать их. «Во-первых, как результат страха возникает уважение перед волком и даже поклонение ему. От стаи волков защищать отары овец монголы были не в силах. Во-вторых, поклонение перед волками сформировалось из чувства благодарности, ибо во многих преданиях упоминается о том, что волк спас предков монгольских народностей. В-третьих, чувство поклонения родилось из-за любопытства: своими

многими особенностями волк похож на человека. Вот почему монголы считают волков своими предками» [11]. По роману «Тотем волка» был создан сериал на Радио Пекина [12].

Роман автором посвящён «людям, живущим в степи. Посвящается некогда прекрасной великой степи Внутренней Монголии», в которой он «добровольно» провёл целых 11 лет. Четверо студентов одного пекинского вуза, трое из которых являлись детьми «пришпешников капиталистической группировки» или «реакционных авторитетов в науке» – люди «схожей судьбы, общих взглядов, полные неприязни к радикально настроенным против интеллигенции хунвэйбинам» в начале зимы 1967 года, «своим малым коллективом, попрощавшись с шумным Пекином, отправились в степь искать тихой и спокойной жизни» [1, с. 31]. «Мы уехали по своей воле, – говорит автор. – Мы были большими идеалистами, большими леваками. Мы хотели изучить вопрос будущего развития Китая, что-то сделать для народа, и считали, что лучше всего для этого окунуться в реальный мир» [13]. Выбор места, кроме прочего, явился результатом влияния американской и русской классики (в том числе, в тексте есть отсылки к Лондону, Пришвину, Шолохову), кинофильмов и русских песен, так «волнующе передающих поэзию степей».

Создаётся впечатление, что выбор места для «окунания в реальный мир» был вовсе не случаен. В этой удалённой местности были определённые преимущества. Например, автор привёз с собой в Монголию два ящика книг (в том числе собранных на свалках конфискованной литературы, подготовленной хунвэйбинами к сожжению), и вряд ли у него была бы такая возможность воспользоваться ими в любом другом месте. И это было не единственным проявлением необычной свободы. Автор в интервью рассказывает, что во Внутреннюю Монголию, далеко расположенную от столицы, «радиосигналы доходили громко и ясно». Можно было слушать русское ИТАР-ТАСС, NHK из Японии, «Немецкую волну», «Голос Америки», особенно хорошо было слышно Би-Би-Си. «Все 11 лет, – вспоминает Лу Цзяминь, – мы почти каждый день слушали новости, музыку, всё подряд». И 30 лет спустя он говорит об этом с не меньшей радостью. «Мы знали о том, что происходит в Китае, больше, чем те, кто жил в самом центре Пекина!» К тому следует добавить, они не только узнавали некоторые факты, находясь вдали от политических директив центра. Получая информации широкого спектра, они учились её осмыслению на примере интерпретаций западных аналитиков. Всё это приводило к серьёзным размышлениям о жизни в стране, замечает автор [13].

Сознание человеческой особи, можно утверждать, всецело определяется бытием, и чаще всего проявляется в стремлении приспособиться к среде обитания. Интеллектуальная пассивность, полное подчинение сначала обычаям, позднее – государственным институтам, религиям, идеологиям, законам, а также стремление уйти от решений, прислониться к преобладающему мнению — всё это формы социальной мимикрии, проявление инстинкта самосохранения. Часто человеку свойственно находиться в убеждении, что от него лично ничего не зависит, стремиться максимально приспособиться, притереться к системе, слиться с ней, рассчитывая, что в любом случае она «вывезет», что так живут все, что «так принято». Но иногда человек, предоставленный самому себе, склонен положиться на собственное мнение об окружающей его действительности, может проявить предприимчивость; он готов превозмочь трудности, преследуя личный интерес, на который, считает он, в пределах законов, никто не вправе покуситься. И тогда он выступает уже в ином качестве, он – личность. И миграция нередко способствует этому.

Герой романа «Тотем волка» попадает не просто в иную культурную среду, в иные условия жизни. Прежде всего, он познаёт реальную степь: «Степь! Все её краски... всю её жестокость» [14]. Существование в степи тяжело, а весьма нередко и опасно. В степи Элунь, что во Внутренней Монголии, люди и степные волки тысячами веками ведут отчаянную борьбу за жизнь. Однако так живут и работают все вокруг – и это не дискриминационно, не связано с унижением, а потому не вызывает отторжения (агрессивного или пассивного). Чэнь Чжэнь (так зовут героя романа и, судя по всему, это – *alter ego* автора) кроме этого оказывается практически в иной цивилизации – степных монголов-скотоводов, чтящих свою традиционную культуру, соблюдающих свои вековые устои. Читатель может получить красочное подтверждение разительной так называемой многоукладности страны, раскинувшейся на огромном географическом отрезке Земли. «Время в степи Элунь застыло, в нём нет деления на секунды и часы», констатирует автор, и с удивлением задавал себе вопрос «Что же заставляет степь оставаться такой неизменной, сохранять свой первобытный вид?» [1, с. 146].

Первое время студенты были расселены по юртам скотоводов. Героя этой эпопеи приняла семья Билига (имя означает «мудрый и прозорливый», и оно соответствует этому человеку). Юрта старого монгола «была словно палатка вождя степного племени». Здесь встретились два человека, представителя разных, в сущности, эпох, но обладавшие одинаковой любознательностью и доброжелательностью.

Кроме, вероятно, личных качеств юноши, немаловажным фактором, который «помог сделать отношения между семьёй старика и их китайским „сыном“ ещё более близкими», являлись привезённые студентом отечественные и зарубежные издания по истории Монголии. Увидев книги с иллюстрациями, картами, Билиг заинтересовался ими; он знал немного китайский язык и сразу же стал учить студента монгольскому языку, так что «меньше чем два года монгольско-китайский диалог между стариком и молодым уже перестал иметь препятствия для вольного общения», но некоторые книги Чэнь Чжэнь не пересказывал и не показывал старику – тех авторов, которые «враждебно относились к монголам». Билиг сам неплохо знал монгольский эпос, и у него было несколько друзей, умевших хорошо петь и рассказывать предания и историю своей страны, что студенты слушали с огромным интересом [1, с. 32]. И, естественно, монголы учили молодых пекинцев обращаться со скотом и охотиться. Молодые люди были вынуждены познавать традиции, правила жизни и обычаи монголов-скотоводов, дабы адаптироваться в окружающей их реальности. Чэнь Чжэнь наблюдает за нападением хищников на степных антилоп, овец, лошадей, слушает рассказы о борьбе с волками, участвовал в волчьих облавах. Он даже тайно начинает выращивать волчонка, одного из выкраденных из волчьей норы, что требовало и смелости, и умения. Это была часто повторяемая операция, которую проводили араты, частично уничтожая молодой помёт хищников, и одновременно выполняя требования госзакупок, в которой принимал участие и герой. Ему виделась некая таинственная связь между волками и местными жителями и, думал он, наблюдая за подрастающим зверем, можно будет разобраться в этой тайне, что даст ключ для понимания степи и живущих в ней людей. Ведь волк как раз и является самым загадочным звеном в этой цепи. Чэнь Чжэнь надеялся изучить зверя вблизи, проникнуть в сознание этих животных, не исключено – затем вырастить метисов, помесь волка с домашней собакой, которые были бы такими же умными, сильными и смелыми, не уступающие волкам, но вступающие в иные – дружественные отношения с людьми. Чэнь Чжэню пришлось с большим трудом преодолеть неприятие этого поступка, нарушающего традиции взаимоотношения волка и человека в степи. Правда, Билиг, вначале возмутился и не одобрил затею, однако, выслушав Чэнь Чжэня, заступился за парня, и, поняв его намерения, сказал, что это как бы научный эксперимент, а потому в виде исключения можно и позволить, а вслед ему идею попытки приручить волка поддержали местные и пришлые в степь начальники. Последних, не обременённых особыми отношениями с волком как тотемом, судя

по всему, больше заинтересовала идея вывести собак-метисов, которые их восхищали у пограничников из России.

Правда, затея – одомашнить волка – привела к трагическому для зверя концу. Его приходилось держать в специальном загончике, на привязи. Даже вскармливавшая его ошенившаяся собака несколько нервничала от запаха волка, хотя наш герой пытался всячески отбить этот запах и навозными лепёшками, и натиранием волчонка шерстью домашних собак. Подросши, волчонок пытался идти на контакт с собаками, но те плохо воспринимали его. К Чэнь Чжэню, казалось, волчонок привязался, но со временем стал неудержимо рваться на волю, чему способствовал возбуждавший его часто раздававшийся вой волков в окрестностях⁴. А выпускать его на волю уже было поздно – и пропах человеческим духом, да и не приучен был самостоятельно жить и кормиться в степи. Кроме того, Чэнь Чжэню очень уж хотелось довести эксперимент до желаемого результата. В попытках вырваться на волю уже сильно подросший волчок чрезвычайно изранился, и ветеринар посоветовал как самый гуманный исход – убить животное.

Первый (если можно так сказать – личный) контакт героя со степными волками произошёл через месяц после его приезда в степь. Со второй страницы романа рассказывается о том, как герой оказался один на один с волчьей стаей. При поездке в деревню, в которой был магазин и обитало начальство, старый монгол, с которым Чэнь Чжэнь туда отправился (чтобы получить «документы для учёбы» и прикупить некоторые предметы обихода [1, с. 11]), вынужден был как член ревкома остаться на собрание. А в производственную бригаду требовалось срочно доставить какие-то документы, и Чэнь Чжэню пришлось возвращаться одному. Билиг дал парню более опытную и быструю лошадь и наказал ехать только по основной дороге, по которой и машины ездят. Однако парень решил сократить путь. Дело было зимой, и на середине пути он не только сам замёрз, дублёнка встала колом. Поскольку не было видно следов человеческого присутствия, он стал опасаться, как бы не налетела снежная буря и лошадь не потеряла дороги домой. Конечно, при этом он помнил, что надо остерегаться волков. Вдруг, в глазах обернувшейся и даже укусившей его за штанину лошади он увидел дикий страх, а через минуту, обзрев ущелье, которым ехал, и сам обезумел от страха. Взгляды волков, а их была целая стая, штук тридцать, «пронзали его словно иглы». Боясь стать жертвой волчьей стаи, Чэнь Чжэнь, подобно пастуху в степи в критический момент, стал взывать: «О вечное Небо, о Тэнгри! Пожалуйста, протяни мне руку помощи!» Он вспомнил слова старика Билига, что волки больше всего боятся ружья⁵, аркана и стремян (и

именно стремена были единственным оружием Чэнь Чжэня). Хотя монголы редко используют по назначению стремена, но имеют их в упряжи, ибо их неестественный в степи металлический лязг может отпугнуть стаю волков. Всё закончилось благополучно. Как объяснил потом старый монгол, к счастью, стая была не голодной, да и рядом был табун – более соблазнительная цель охоты. К тому же опытная лошадь помогла парню. Но по отношению к волкам у Чэнь Чжэня появилось устойчивое чувство страха, довольно глубокое. Одновременно появилось и чувство уважения к этим хищникам, которое Чэнь Чжэнь объяснял следующим образом. Во-первых, волки затронули «самые чувствительные струны его души, заставив её на мгновение-другое покинуть тело», к тому же «степные волки обладают огромной притягательной силой, которую нельзя увидеть или пощупать, а можно лишь почувствовать. Именно этой силе поклонялись люди в первобытные времена, а некоторые поклоняются и сейчас» [1, с. 17]. Постепенно жизнь заставляет молодых китайцев почувствовать себя уже наполовину монголами, во всяком случае, по прошествии первых двух лет они научились самостоятельно пасти коров и овец (но в погонщики табунов лошадей – наиболее сложная и опасная работа в степи – выбился лишь один из них). Однако в охоте они ещё чувствовали себя полными профанами, и это заставляло их порой даже «ощущать себя третьесортными людьми». Каждая производственная бригада скотоводов должна была выполнить план по сдаче обычных скотоводческих продуктов и по обязательным госзакупкам мяса и шкур дзеренов. В производственных планах числились также нормы (резко возрастающие [1, с. 115]) обязательной сдачи волчьих шкур (и определённого количества отловленных волчат, шкурки которых тоже ценились), являющихся в том числе и хорошим экспортным товаром, ибо эти шкуры чрезвычайно теплы и красивы. Но сами монголы, несмотря на всю соблазнительность, не используют эти шкуры в своём быту. Охота в каждой монгольской семье, кроме того, была и основным источником доходов, результаты её, в том числе, исчислялись и в трудоднях [1, с. 152].

Со временем студенты и особенно Чэнь Чжэнь завоевали у монголов право не считаться чужаками, хотя Билиг к случаю и без любви пошутить на тему «хотя ты и студент, да к тому же китаец...» [1, с. 21].

Произведение полно захватывающих картин жестокого нападения волков на стада овец, диких дзеренов. Волки в охоте были просто волшебниками; их атаки на животных представлялись прямо-таки прекрасно спланированными, а тактика поведения хищников – почти воинские мероприятия, что подтверждал и военный представитель.

Описана коллизия с уничтожением почти половины отары в овчарне с высокими цементными стенами, выстроенной для безопасного содержания овец ночью. Потом сложно было, даже при наличии явных свидетельств, доказывать пастухам, что волки не умеют летать, как утверждается в их легендах, а просто очень умны и сплочены в своих действиях. Чрезвычайно впечатляюще описано уничтожение табуна лошадей, уже готовых к отправке в армейское ведомство, – волки загнали табун в болотистую местность и героизм табунщиков не смог пресечь эту их зверскую (в прямом и переносном смысле) акцию. Не менее захватывающими являются сцены кражи волчат из логова, что требует от людей не только умения, но и храбрости.

В результате Чэнь Чжэнь понял, что у монголов есть все причины почитать волка как священное животное и учиться у волков тем качествам, которые у людей вызывают уважение: смелость и ум, стойкая воля, высокий боевой дух, сплочённость. Вслед за автором у читателя появляется не только интерес к этому хищнику, читатель начинает задуматься над сутью национального духа, скрытого под маской тотемного культа⁶.

Монголы верят, что степные волки, самые умные на свете хищники, суть питомцы и любимцы самого Тэнгри – великого духа степи, и без них степь умрёт. Степные кочевники вот уже много тысяч лет оставляют своих покойников на растерзание волкам (что-де способствует вознесению их душ к Небу) и именно поэтому считают кошунством делать одежду из волчьих шкур. В их представлении, именно волкам и их небесному покровителю Тэнгри степные люди обязаны почти всеми своими удачами⁷. Билиг объяснял пекинцам, что в степи всем нелегко выжить, каждый должен оставлять другому путь к спасению. После гибели табуна старый Билиг, который хорошо знал повадки и тактику этих хищников, организует по поручению начальства облаву на волков. Это была в том числе и «акция возмездия» за уничтожение табуна, а также способ реабилитации пастухов, обвинённых вначале начальством из военно-революционного комитета в гибели лошадей. Чэнь Чжэнь высказал старику недоумение: «Если волки – это божества, охраняющие степь, то почему же вы собираетесь их бить... согласились на большую охоту?» Билиг ответил, что «когда волков слишком много, они уже не святые, они уже превращаются в нечисть, а люди убивают нечисть, и это правильно. Если коровы и овцы будут съедены нечистью, то люди тоже не выживут, тогда и степь погибнет» [1, с. 153]. К тому же, «монголов так мало, и сохранить степь так трудно. Если не бить волков, монголов будет меньше, но если бить слишком много, то монголов будет ещё меньше» [1, с. 154]. Но после охоты старый монгол был мрачен, даже как бы угнетён; и по

успешному окончанию мероприятия, отойдя в степь, шевелил губами, подняв лицо к небу (герой думал, что он приносит молитвы покаяния Тэнгри). Однажды Чэнь Чжэнь возмутился, пожалев дзеренов, «этих ласковых, красивых и мирных животных»: почему Тэнгри не защищает их, а занимает позицию жестоких убийц – волков. «Лицо старика изменилось», парень осёкся, ибо понял, «что задел душу монгола, задел тотем степного народа». Старик Билиг спросил, «а траву тебе не жалко?» Ведь трава – самая хрупкая. Её корни малы, а слой почвы тонок. Трава в степи – тоже живая, к тому же «в степи трава – это одна большая жизнь, а все остальные – маленькие, даже волки и люди, маленькие жизни опираются на большую, и от этого зависит всё живое». Монголы больше всего переживают за траву и степь, «на протяжении своей жизни они убивают и тех, кто ест мясо, и тех, кто питается травой. Только чтобы выжить». Охотясь, монголы (и волки) сохраняют жизнь степи [1, с. 59–61]. Монголы, утверждает автор устами своего героя, исповедуют философию более глубокую и ценную («единство Неба, степи, животных и человека»), чем идея, содержащаяся в китайской формулировке («единство природы и человека») [1, с. 424]. В борьбе людей с волками окончательная победа невозможна, да и опасно одерживать окончательную победу, ибо она нанесла бы непоправимый урон степи. Как говорят о волках в России – волки есть санитары леса, так и в степи волки помогают сохранить равновесие между человеком, его хозяйственной деятельностью, дикими копытными и прочими зверями и зверушками, и, стало быть, если можно так сказать, производительной силой земли, дающей скоту и людям прокорм и сохраняющие естественные водоёмы.

Не исключено, что все эти знания про тотем волка, красоту и жестокость степи, про страх и восхищение волками, про неудавшуюся попытку воспитания волчонка остались бы как этнографические, эстетические и прочие наблюдения и воспоминания, но Чэнь Чжэнь попал в степь в переломный момент, когда новые политические порядки привели в степь земледельцев, переселенцев из малоземельных районов – людей, совершенно чуждых степи (хотя немало из их числа были этническими монголами, когда-то ставшие земледельцами и расставшиеся с обычаями и мировоззрением степных скотоводов). Впрочем, первые трудности в степи начали возникать сразу после образования КНР – в стране не хватало техники, увеличилась потребность в тягловом скоте, на степных монголов спустили повышенные нормы выращивания лошадей. В результате стали возникать трудности с пастбищами, ибо лошади едят траву и днём и вечером (их физиология к пережёвыванию жвачки не приспособлена, в отличие от

коров и овец), их потребность в величине пастбища больше в десять раз по сравнению с овцами, к тому же копыта лошадей вытаптывают участок за десять-пятнадцать дней, делая его пустынным (этот же недостаток присущ и коровам, оттого, верно, мало их держат в степи) [1, с. 288]. В степи Элунь «раньше было сто тридцать – сто сорок юрт, семьдесят – восемьдесят человек, и все монголы»⁸. С «культурной революцией» пришло более ста «молодых интеллигентов из Пекина», потом ещё прибывали. Многие «служат в армии или работают шофёрами, извозчиками, строят дороги. Они все ненавидят волков, всем им нужны волчьи шкуры» [1, с. 157], не говоря уже о том, что на вновь пришедших в степь волки производили устрашающее впечатление. О пришедших Билиг говорил, что они «вышли из крестьянских районов, ничего не понимают» [1, с. 116]. Как жаловался один из местных руководителей: «Кто будет нас слушать? Сейчас у власти в руководстве стоят кадры из крестьян. У этих крестьянских руководителей культурный уровень выше, и говорят они умнее, обосновано... не понимают местных степных руководителей» [1, с. 157], а все объяснения степных монголов на вновь пришедших не действовали. Один бывший ученик из Пекина, ставший мелким руководителем среди хунвэйбинов и высланный в степи, «с большим энтузиазмом и оживлённо» говорил: «Волки – это классовые враги, все реакционеры в мире являются алчными волками... Мы должны организовать народ для их истребления, всем волкам устроим диктатуру пролетариата. Решительно и окончательно уничтожим всех начисто. Ещё надо решительно критиковать тех сочувствующих, потакающих волкам... эти старые степные взгляды, старые традиции, старые привычки и старые обычаи» [1, с. 130]. И нередко высказывания, намерения и указания руководства революционного комитета пастбищ, военных представителей были созвучны «этим незрелым (по мнению монголов) взглядам» на роль волков в жизни степи. Военный представитель утверждал: «Пока не истребим шакалов и волков⁹, не покинем поле боя! Это движение по истреблению волков только началось, и мы имеем твёрдую уверенность в том, что степь Элунь полностью и окончательно очистится от волков!» [1, с. 241]. Билиг оценивал это как «действия вслепую». Местное правительство, призывая пастухов бить волков, объясняло это следующим: «убийство одного волка сохраняет сто овец, если выгнать волчат из десяти нор, то это спасёт десять стад овец». Но старик сетовал: «Молодые пастухи каждый день убивают волков, не понимая сути дела... А по радио прославляются герои, бьющие волков». Конечно, признавал он, убийство волков оправдывается сохранением скота, но он настаивал, что прежде всего

нужно думать о сохранении степи. Всерьёз намеревавшиеся истребить всех волков не понимали последствий такого необдуманного решения. В этой связи Чэнь Чжэнь рассказал Билигу про кроликов, завезённых в Австралию, где не было волков, и изменения, последовавшие за нарушением в фауне региона, были весьма плачевны. А в Элуни волки регулируют численность зайцев (как и байбаков, которых очень любят, и мышей, на которых волчица учить охотиться волчат), особенно зимой, ибо зайцы не зарываются в этот период в норы – это зимняя, легкодоступная еда волков. Рассказ про Австралию очень понравился Билигу – это аргумент в его пользу, на который он будет ссылаться при объяснениях с молодыми пастухами, а главное – с руководством [1, с. 189]. В степи диких животных, уничтожающих траву, слишком много, и настоящим бедствием степи являются мыши, дикие зайцы, байбаки и дзерены. Если бы не волки, только одни мыши и зайцы за несколько лет перепахали бы всю степь. Если степь сохраняется, то и способность живущих в ней людей противостоять стихиям увеличивается, например, при обильной траве в степи можно на всякий чрезвычайный случай запастись сеном. При хороших пастбищах не происходит эрозии почвы, источники и реки не пересыхают, а чистая вода – залог здоровья и людей, и скота. Одним из последствий уничтожения волков (то есть нарушения природного баланса в регионе) является грозящая теперь чабану смерть от мыши или иного грызуна, расплодившегося при отсутствии хищника: самой-то этой мелкой живности не по силам нанести вред напрямую человеку или животному, но их обилие приводит к тому, что нередко случаи, когда нога лошади или коровы попадает в провалившуюся под её тяжестью нору, что чревато и для животного, да и для человека, вплоть до смертельного исхода [1, с. 288–291]. При этом не следует забывать, что, как говорят старые скотоводы, «если бы не было волков, монголы все бы уже погибли от эпидемий», ибо в случае стихийных бедствий (а в старину – военных столкновений) мёртвый скот, умершие люди – всё подчищается волками [1, с. 294].

Руководство называло эти «чувства к степи», высказываемые в том числе Билигом, «отсталыми, несовременными». «Современная эпоха не такая. Китай подошёл к изготовлению ядерного оружия и не останется в первобытном обществе... Если мы хотим принести партии и стране больше богатства, то надо обязательно прекратить этот отсталый, первобытно-скотоводческий образ жизни». Действительно, в степи земли были «богатые», можно было и пшеницу выращивать. И тогда, предполагалось, – «пройдёт какое-то время, и мы не только будем себя обеспечивать зерном, но и посылать зерно на экспорт» [1,

с. 294]. Что касается проектов превратить степи в пахотные земли, то герой и его друзья заговорили о хрущёвском освоении целины. Если последовать политике Хрущёва, стремящегося «с помощью великого русского сельского хозяйства и промышленности покорить культуру кочевого народа в Казахстане», то не только в результате исчезла бы степь, но и «китайская цивилизация на центральной части Северокитайской равнины была бы поглощена песками» [1, с. 295]. Распашка гигантских площадей целинных земель в СССР привела к резкому сокращению в Казахстане сенокосных и пастбищных угодий и началу длительного кризиса традиционной отрасли сельского хозяйства республики – животноводства. С одной стороны, чуть ли не через год пришлось принимать специальное постановление ЦК КПСС и обязывать хозяйства разводить мясной скот, поскольку проблема, усиливаемая ростом численности населения, привела к определённым затруднениям в обеспечении продовольствием. С другой стороны, «повсеместная распашка площадей под сельскохозяйственные угодья вызвала необратимые непредвиденные последствия. Пожалуй, самым большим негативным моментом, который жирным крестом перечёркивает все преимущества новой политики и все гениальные заслуги ученых-экономистов того периода, была эрозия. Огромные посевные площади, большая часть плодородного слоя были буквально сметены ветрами. Весь труд по освоению целины был потерян. Природе был нанесён непоправимый урон» [15]. «Если покорять дикие степи, то они превращаются в пустыню» [1, с. 243], говорили те, кто размышлял над китайским и советским опытом. Однако «грандиозные планы» ликвидации в кратчайшие сроки «первобытного и отсталого кочевого скотоводческого метода производства в степи» уже были разработаны: предполагались большие капиталовложения, оснащение техникой, кадрами для строительства для скотоводов кирпичных домов (дабы скотоводы жили оседло), бетонных загонов для скота, механизированных колодцев, дорог, школ, больниц, магазинов, кинотеатров и прочее, и, естественно, освоение посевных площадей. «Молодёжь пастбищ, а также некоторые женщины и дети» были в радостном ожидании осуществления описанных перспектив. Старики же, признавая заманчивые моменты этих грандиозных планов, качали головой и говорили: «Ну а самой степи как быть? Степь такая уязвимая... перероют степь... и сейчас-то на неё такая нагрузка... а там что будет?» [1, с. 460]. Монгольские старейшины направили в Производственно-строительный армейский корпус Внутренней Монголии коллективное письмо, и планы скорректировали [1, с. 449].

Однако истребление волков осталось среди первоочередных задач армейского производственного корпуса [1, с. 453]. Ряд страниц

книги показывает лихой расстрел волков с джипа двумя присланными офицерами. Им нужен был проводник из местных со знанием китайского языка, в результате чего герой с ужасом и неприязнью наблюдал всё это действо. Офицеры были восхищены сложностью охоты на этих умных и смелых хищников. Они к тому же взахлёб рассказывали, как они лихо охотились на дзеренов, которых легко догнать на машине, ослепляя ночью сильными фарами [1, с. 459]. Такая знакомая картина браконьерской охоты, заметим! Охотой на волков, для добывания шкур, занимались рядовые чины с применением огнестрельного оружия, медработники – с использованием ядов, и строители – с взрывчаткой, подложенных в приманку [1, с. 472]. Начался отстрел байбаков, поскольку де это легкая пища для волков, но главное, естественно, – для людей это было вкусное мясо и много жира (причём убивали и самок и детёнышей, что по охотничьим законам не принято) [1, с. 488]. Также предполагалось для полного истребления мышей разбрасывать с самолётов ядохимикаты [1, с. 466], не принимая в расчёт, что будут гибнуть и другие живые существа.

Один из местных руководителей, тоже пришлый, но уже более десяти лет проработавший в степи, так говорил про военного представителя: «У него манера работать – это натиск, всё проводить в жизнь немедленно и со всей решимостью, всегда быть на первой линии... в крестьянских районах он обязательно станет передовиком... но в скотоводческих районах, чем сильнее его рвение, тем опаснее для степи». Но – «говорить с этими военными из крестьян о пользе волков разве не то же самое, что метать бисер перед свиньями?» [1, с. 453].

Автор устами своего героя признаётся, что если бы он только что приехал в степь, он поддержал бы идею введения земледелия в степи, поскольку знал, что «в деревнях центральных и восточных районов Китая действительно немало людей голодает», а в степи кажется так много «свободных земель». Да и, конечно, зная уже на собственном опыте все сложности и тяготы кочевого скотоводства, верно, поддержал бы идею оседлости аратов и более комфортабельного обустройства их жизни. Но разговоры с Билигом не прошли даром, он понимал теперь «степную логику» – понимал связь «большой жизни» (травы, степи) и «маленькой жизни» (всех, населяющих степь живых существ вкупе с людьми). Монголы рассказали ему, что в результате прихода большого количества людей из внутренних районов в период поздней Цин, «степь шаг за шагом сжалась в северном направлении, а потом и в северо-западном, [а теперь] скоро, вероятно, встретится с пустыней Гоби» [1, с. 297].

В 1975 году монгольский Производственно-строительный армейский корпус был официально распущен. «Но бассейн реки Мацзюнь-

цзы, где раньше были богатые и красивые луга, уже превратился в пески. Дома, машины, тракторы, а также большинство служащих и рабочих, с их взглядами и образом жизни, ещё остались в степи. Степь Элунь из года в год вырождалась» [1, с. 507].

Л.И. Головачёва, путевые заметки которой так ярко характеризуются эффектом присутствия, рассказывала о своей поездке через степи Внутренней Монголии в 2004 году: «Одно дело – когда читаешь, совсем другое – когда перед твоими собственными глазами предстоит вид истерзанной, изъязвленной оврагами и трещинами, поражённой эрозией земли. Кто хоть раз видел эту страшную картину, не может её забыть. Вот он, экологический кризис, во всём своём ужасном обличье». Далее Лидия Ивановна продолжает: «Я увидела это впервые пять лет назад. И сейчас эрозия не исчезла, но мы наблюдали поражающие широтой своих масштабов мероприятия по борьбе с ней. Снимаются многометровые слои земли, которая разравнивается (не знаю, как с „плодородным гумусом“, о котором нас учили, что он располагается тонким слоем по поверхности земли), строятся огромные дамбы, откосы которых укреплены камнем. Проводятся массовые лесопосадки. Смотришь на это и думаешь – нет, человек что-то ещё может, он ещё в силах исправить свои ошибки» [16].

Конечно, то, что проводят рекультивацию, комплекс работ по экологическому и экономическому восстановлению земель и водоёмов, плодородие которых в результате человеческой деятельности существенно снизилось, – это прекрасно. Однако процесс рекультивации длительный, дорогостоящий, и сам по себе требует определённого осмысления всех этих проблем, не только по восстановлению загубленных природных ресурсов, но и политики предупреждения этого, то есть требует от властных структур определённой смены политико-экономических парадигм и определённой ментальной (если можно так сказать) реформы.

Правительство КНР предпринимает весьма существенные меры для налаживания ситуации во Внутренней Монголии (а следует иметь в виду, что в стране вовсе не один экологически проблемный регион). Так, в 2000 году в Китае стартовал проект по упорядочиванию источников песчаных бурь в районах Пекина и Тяньцзиня. С того времени в экологическую сферу в автономном районе Внутренняя Монголия инвестировано более 17 млрд. юаней. Общая площадь экологического упорядочивания превысила 270 млн. му. Более ста тысяч сотрудников и волонтеров лесной и экологической служб, приложив значительные усилия, возвели «зелёную стену» во Внутренней Монголии. К началу 2009 года Внутренняя Монголия по общей площади лесов вышла на первое место в Китае. Коэффициент лесного покрытия достиг 17,5%.

Экологическая обстановка в степи заметно улучшилась [17]. В октябре 2010 года Госсовет КНР принял решение: с 2011 до 2015 год в 8 автономных районах и провинциях страны, в том числе во Внутренней Монголии и СУАР, славящихся хорошими условиями для развития скотоводства, создать механизм субсидий и поощрений для сохранения экологической обстановки. Согласно данному механизму ежегодно центральное правительство будет выделять из бюджета 13 млрд. юаней в качестве субсидий пастухам. Эти средства призваны компенсировать запреты на использование пастбищ во имя сохранения благоприятной экологической обстановки, повышения эффективности скотоводства и увеличения материального благосостояния пастухов [18].

«Если ты сможешь стать „монголом“, то напиши о нас книгу, это будет здорово», – однажды, вздохнув, сказал в заключение очередного их долгого разговора старый монгол молодому пекинскому студенту [1, с. 61]. И автор выполнил эту просьбу в память об учителе степной жизни, умершем ещё во время жизни автора в степи.

Книга эта о многом, но, в не последнюю очередь – история становления экологического сознания одного эрудированного, вдумчивого, внимательного и доброжелательного наблюдателя. Ведь прав Генри Дэвид Торо, подчёркивающий, что главное: «меняются не вещи, меняемся мы» [19]. В то же время, считается, что для многих миллионов китайских читателей не пройдёт без внимания то «экологическое предупреждение» о последствиях «десятилетий пренебрежительного отношения к окружающей среде», называемое некоторыми «центральной темой» романа «Тотем волка» [20]. У автора романа «нет уверенности относительно поднятых в романе тем защиты окружающей среды». Но он убеждён, что «нас ждут величайшие битвы не между странами или народами, а с экологической угрозой. Природные катаклизмы заставят страны сотрудничать. Я ужаснулся, когда увидел, что тысячелетняя экосистема была обращена в пыль в течение одного десятилетия. Моя книга – урок всему миру» [21]. «С того времени, как человек „нарушил“ закон природной эволюции, – пишет Э.С. Кульпин, – вышел из его „подчинения“, нашёл путь развития, отличный от пути развития других живых организмов, начинается социоестественная история – история взаимоотношений двух суверенных начал: общества и природы» [22]. Книга «Тотем волка» показывает, насколько может сжаться порой в отдельно взятом регионе «временное поле СЕИ (социо-естественной истории)».

Сейчас экологические аспекты поведения становятся в Китае всё более важной частью школьной программы, есть растущая потребность в книгах по экологии, в книгах, подающих материал не только в убедительной, но и привлекательной для тинэйджеров и молодёжи

форме [20], и потому значение этой книги нельзя переоценить, она полностью отвечает данным требованиям.

Примечания

¹ Каковым являлся вышедший на пенсию пекинский профессор политэкономии Лу Цзяминь. Псевдоним был необходим по причине политической ориентации автора, активно им выражаемой, которая вряд ли бы позволила книге увидеть свет. При этом следует отметить, что данные об авторе различных западных интервьюеров несколько противоречивы.

² Изданный перевод романа на русский язык называется «Волчий тотем», но мне представляется, что более корректным было бы название «Тотем волка» или «Волк-тотем», посему буду использовать в тексте все три варианта названия – впрочем, это вопрос вкуса, суть ведь от этого не меняется, верно? Поскольку меня интересуют не лингвистические, структурные, стилистические и прочие литературоведческие характеристики данного китайского произведения, а только месседж, посыл его, для упрощения работы пользуюсь переводом романа на русский язык [1].

³ Некоторые компании даже обещают «Тотем волка» своим сотрудникам как главный подарок, чтобы мотивировать их на хорошую работу; даже китайская армия использует эту книгу как пособие по волчьим тактическим повадкам [7].

⁴ Эти волчьи «концерты» Билиг объяснял тем, что «у волка в степи много бед, поэтому он и поднимает голову к Небу, просит у Тэнгри помощи» [1, с. 400].

⁵ Судя по тексту, ограниченное количество огнестрельного оружия у степняков было, но пули выдавались только начальством в период облавы на волков и охоты, иногда – в качестве премии.

⁶ Вообще-то, тотемизм зверя называется зоолатрия (от греч. ζῷον – животное и λατρεία – служение, культ), теротеизм, анимализм – совокупность обрядов и верований, связанных с почитанием животных. В современных гуманитарных науках зоолатрия часто рассматривается как одна из первобытных форм религии. Конечно, социальное устройство во Внутренней Монголии является лишним свидетельством многоукладной структуры КНР. В своей книге «Феодальная Америка: элементы средних веков в современном обществе», изданной в 2011 году, известный социолог Вл. Шляпентох говорит о социальных структурах, которые независимы от государства и находятся вне системы конкуренции. Они существуют, пишет он, и в США, и в России (в которой, однако, по мнению автора, с ними не борются), и делает вывод о многоукладности этих государств. «Эти структуры являются вызовом государству, национальным интересам – как и феодальные бароны в своё время» (цит. по: [23]). А посему, переселение крестьянства в степные районы может представляться и – осознанной или нет – борьбой с этой многоукладностью?

⁷ Оставим за скобками понятие тотема, тем паче что, как утверждает Википедия, «основной вопрос о генезисе тотемизма ещё не вышел из области споров». Однако, страх перед силами природы, которую в данном случае олицетворяют эти звери, бесспорно, часто служит возникновению тотема.

К слову сказать, не могу не вспомнить своего впечатления от прочитанных в отрочестве исторических романов Георга Эберса – известного египтолога. Не помню, в каком из них, старый жрец на сомнения молодого жреца, не один ли бог, отвечает, что они – жрецы уже давно уверовали в это. Однако для того, чтобы население не истребило подчистую крокодилов на мясо и шкуры, надо по-прежнему утверждать, что это животное – бог Нила, ибо утверждение, что крокодил – санитар Нила, не остановит людей. А если крокодилы вымрут (вернее, будут уничтожены) – Нил перестанет осуществлять свои способствующие плодородию земли функции, ибо зарастут берега бог знает чем, обмелеет река и вообще... То есть сознание населения Египта в то время (говоря языком, более приближённым к нынешним времени) вовсе не доросло до природоохранных понятий, а стало быть – и поступков. Требование соблюдать определённую соразмерность между человеческой деятельностью и природными ресурсами невозможно было обосновать на базе рационального и разумного, необходимо было оформлять это в религиозных категориях. Что и делали жрецы, скрывая от «общественности» свои теологические размышления.

⁸ Такие цифры приведены в тексте [1, с. 157]. Впрочем, не столь важна статистика, главное: население в степи было немногочисленно и в целом однородно, принадлежало к одной культуре.

⁹ Часто звучащие в то время обозначения «классовых врагов».

Литература

1. Цзян Жун. Волчий тотем. М., 2007. 544 с.
2. [www.livejournal.ru/tags/Цзян Жун](http://www.livejournal.ru/tags/Цзян_Жун)
3. www.kommersant.ru/doc.aspx...
4. <http://paper-republic.org/index.php?blogentry/wolf-at-the-door/>
5. <http://wolfzone.ru/>
6. <http://paper-republic.org/index.php?blogentry/wolf-at-the-door/>
7. buriat-mongolia.info/?p=357
8. lib.rus.ec/a/14509
9. Wolf at the Door // polusharie.com/index.php?topic...100
10. paper-republic.org/arch/2007/11/
11. russian.cri.cn/221/2005/11/11/1/@92932.htm
12. www.mirknigi.ru/product-46664314.html
13. <http://paper-republic.org/index.php?blogentry/wolf-at-the-door/>
14. books.imhonet.ru/element/1007232/
15. revolution.allbest.ru/history/00012369_0.html
16. world.lib.ru/g/golowachewa_1_i/bejing2004.shtml
17. chinatrips.ru/res/news/13.html
18. russian.chinese.cn/newschinese/article/2011-06/02...
19. aphorism-citation.ru/index/0-146
20. thechinabeat.blogspot.com/2008/07/defense-of-jiang-rongs-wolf-totem.html
21. lib.rus.ec/a/14509
22. homo.fizteh.ru/courses/history/kulpin.htm
23. www.svobodanews.ru/content/article/24099450.html